

• ВОЛЧОК •

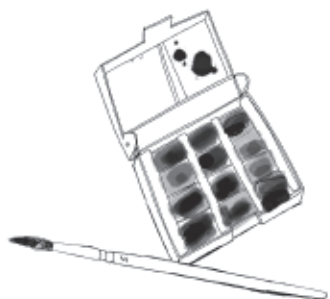
серия повестей
для подростков

НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ

Маша
Лукашкина

Чужие ОКНА

Волчок
Москва 2022

Настя

Был первый после летних каникул день учебы. В коридорах школы еще не выветрился запах свежей краски.

— Французы, за мной! — закричал Егоров и, как саблей, взмахнул над головой рюкзаком. «Французы» двинули за Егоровым в пятнадцатый кабинет, «англичане», отсмеявшись над «французами», — в двадцать второй.

Сказать по правде, «англичан» в школе уважали больше, а потому... Сколько слез было пролито шесть лет тому назад, когда решался вопрос, кому изучать английский, а кому — французский, сколько атак со стороны возмущенных родителей пришлось выдержать классному руководителю! И в конце концов их класс поделили «пополам» вопреки всем законам арифметики. Из тридцати двух человек во французскую подгруппу отправили лишь одиннадцать, среди них и Настю. И не потому, что училась она неважно, как Женька или Сахат, и не потому, что бабушка ее переводила с французского, как у Макса... Просто и тогда казалась она незаметной и тихой, отчего за совершенно правильный ответ нового учителя ставили ей порой не пятерку, а четверку. С первого взгляда Настя на отличницу не тянула.

Французский давался девочке легко, прежняя учительница, Ольга Георгиевна, говорила о ней: «Моя опора», — однако по имени никогда не называла... Средова и Средова. Лишь раз, после очередной болезни, Ольга Георгиевна, тяжело опустившись на стул, неуверенно

обратилась к ней: «Света?» — «Настя», — поправили ее. Ольга кивнула, однако второй попытки назвать Настю по имени так и не сделала.

Скромные люди

Настины родители были люди скромные. Они никогда бы не стали скандалить из-за того, что их дочь определили во французскую, а не в престижную английскую подгруппу. Отец Насти работал настройщиком в музыкальной школе, мама — провизором в аптеке. Когда Настя была маленькая, отец нередко брал ее с собой — и в школу, и в чужие дома, куда его частным образом приглашали настроить инструмент. С дочкой проблем не было никаких, ей нигде не было скучно. Долго могла стоять она у чужого буфета перед красиво расставленной хрустальной посудой или рассматривать картинки в незнакомой книжке. А то и просто наблюдала за папой. Подойдя к роялю, тот первым делом поднимал крышку, проводил ключом по струнам и слушал, как отзывается дека, долго ли она звучит-резонирует, потому что знал, что все эти молоточки, струны, вся эта громоздкая механика оказывается ненужной, если в деке — незначительной с виду деревяшке — появляется трещина...

«Поживет еще без серьезного ремонта», — ставил папа диагноз. И разбирал инструмент по косточкам, и что-то

там подкручивал, и что-то там подлаживал, и сыпал под клавиатуру натертое мыло, чтобы в инструменте не завелась моль.

Однажды, закончив работу, Александр Григорьевич по-настоящему испугался: дочь как сквозь землю провалилась. Он искал, он звал — она не слышала. Заигралась с шахматами, которые дал ей хозяин старинного рояля «Беккер». Не сразу нашел ее отец — за тяжелыми оконными портьерами, рядом с цветочными горшками, и из каждого, будто с утопающего в зелени балкона, глазели во двор маленькие шахматные фигуры. Королевы и короли — в самом красивом горшке, с цветущей геранью. Черные и белые пешки, как дозорные, с ветвей обезьяньего дерева наблюдали за тем, что происходит за окном, кони выстроились в ряд на подоконнике, белые и черные слоны мирно паслись под высоким раскидистым фикусом.

Француженка

— Меня зовут... — начала новая учительница и умолкла на полуслове. Повернувшись к доске, написала: «Ада Леоновна», — стряхнула с ладоней мел и продолжила, внимательно глядя на учеников: — Французский язык я люблю и хочу, чтобы вы полюбили его тоже... Чтобы, гуляя по Парижу, каждый из вас мог задать вопрос

прохожему, например, как пройти к Лувру или к Нотр-Дам де Пари. Поэтому упор будем делать на разговорной речи. Так что разговорчики на уроках я одобряю, если они на французском... А теперь давайте знакомиться. *Comment t'appelles-tu?** — и она прошла по классу в высоких туфлях на каблуках, останавливаясь возле каждой парты. — *Bien*** , — с удовольствием сказала она, завершив «кругосветку» и возвратившись к учительскому столу. — Кажется, запомнила всех. Поправьте меня, если ошибусь: Егоров Федя, Лосина Даша, Смахов Толя, Селиванов Женя, Сахат Мурадов, Бондаренко Максим... — Настя внутренне напряглась. Ада Леоновна перевела взгляд с нее на Ваню. — ...Ваня Круглов, Лиза Мешкова... Кого я забыла?

— Средова... Настя... — тихо сказала Настя, очарованная новой учительницей. Стильная, пахнущая дорогими французскими духами, Ада Леоновна распахнула перед их восьмым «В» новые горизонты, на которых рисовались Нотр-Дам де Пари и Эйфелева башня... Тем сильнее была Настина досада. Надо же, с первого урока, лучше всех в классе зная французский, оказаться в аутсайдерах!

Дома Настя встала у зеркала. И чем дольше она на себя глядела, тем напряженнее становилось ее лицо, тем меньше она себе нравилась. Да и чему тут нравиться?

* Как тебя зовут? (фр.)

** Хорошо (фр.).

Прямые русые волосы. Круглые глаза. Треугольный подбородок. Узкие скулы. «Уродина», – сказала она своему отражению.

Девушка в метро

Несколько дней девочке было смутно. Маленькое недо-
разумение, крошечная трещинка, а вот поди ж ты. В школу она шла через силу. И дома ее раздражало решительно все. И овсяная каша, которую мама по утрам чередовала с манной, и непременный бутерброд с российским сыром на блюде, и кашель отца по утрам, и громоздкие шкафы с антресолями... И пианино, из-за которого в узкой комнате было тесно и которое, как и шкафы, завалили бы вещами, если бы не отец. Отец объявил раз и навсегда, что на инструменте имеет право лежать только стопка нот. Он ругал Настю даже за рюкзак со школьными учебниками, брошенный на черную полированную крышку их «Лиры».

Музыкалка, понятное дело, Настю не миновала, хотя и отнимала у нее не так много времени. Двадцать минут домашних занятий в день – и четверка на экзамене по фоно была ей обеспечена. А хор она даже полюбила, потому что с хора она возвращалась не одна, а вместе с Ритой. И из раза в раз все у них шло по сложившемуся правилу. Первым делом они заходили за Ритиной

собакой. Поднявшись на шестнадцатый этаж нового дома, Настя ждала подружку у лифта. Наконец дверь Ритиной квартиры распахивалась и оттуда, таща Риту на поводке, выбегал фокстерьер Микки. Всякий раз он радовался Насте так, будто не видел ее по крайней мере год. Возле лифта Настя получала порцию безумных поцелуев от Микки в нос, безуспешно пытаясь увернуться от его когтей (фокстерьер в порыве бурных чувств изорвал ей не одну пару колготок!), а потом не спеша шла в компании Риты и Микки к себе домой, на Борисовские Пруды. У Настиного дома подружки спускали песика с поводка и сидели на качелях, ведя бесконечные разговоры. Микки носился вокруг. Неугомонный и кудрявый, он вполне оправдывал мнение о том, что собака — копия своего хозяина.

— Представляешь, — говорила Рита, держась за поручни качелей, — я видела, как одна девушка в метро вышивала.

— В метро?.. — удивлялась Настя.

— Ну да. Выпендривалась, конечно... В час пик. Представляешь?

Слово «представляешь» было любимым у Риты, о чем бы она ни рассказывала. Вот и сейчас она продолжала что-то говорить, упирая в землю ноги, обутые в дорогие стильные ботинки и раскачивая под собой сидение качелей. Настя подружку уже не слушала, поглощенная озарившей ее идеей. До нее долетали лишь Ритины «представляешь», «представляешь»...

Снегирь на ветке

Весь следующий день Настя настраивалась. У нее еще остались деньги — из тех, что мама каждый понедельник выдавала ей на личные расходы. После школы она заглянула в магазинчик, который родители по старой памяти называли «Ателье». За последние годы он несколько раз менял хозяев. Сейчас там открылись парикмахерская «Эконом», «Ремонт одежды» и маленький швейный отдел, где продавались нитки-иголки, пряжа, пуговицы и прочая дребедень, в том числе и канва для вышивания. Настя долго рассматривала стеклянную витрину. Ежик с корзинкой, русалка в волнах, среднерусский пейзаж с церковью и снегирь на ветке — вот и весь выбор. Негусто... Поколебавшись между русалкой и снегирем, девочка остановилась на снегире.

После школы, наскоро пообедав и сделав домашнее задание по физике, она пошла в «залу» — большую комнату с ковром на полу, — вставила в музыкальный центр диск с песнями Эдит Пиаф и легла на диван. Прикрыла глаза и слушала, слушала пение маленькой некрасивой француженки, чье имя на французском означало «воробушек». Необыкновенной мощи голос заставлял резонировать старинные часы, висящие на стене, заряжал силой, звучал как позывные: «Падам, падам, падам...»

Около шести вечера Настя подошла к «Каширской». Станция была битком забита пассажирами. Девочка встала за чьей-то широкой спиной. Из тоннеля послышался

глухой шум, он нарастал, в нем все разборчивее делался перестук приближающегося состава. Люди на платформе заволновались. Двери вагонов проплывали мимо. Одна за другой. Одна за другой. «Главное – сесть», – мелькало в голове у Насти. Состав остановился так, что сразу войти в вагон ей не удалось. Этот поезд пришлось пропустить и встать метра на два левее. Зато следующий открыл свои двери точно перед ней, девочка села там, где и наметила, – в самом центре скамьи. «Следующая станция – „Коломенская“». Поезд рывком тронулся, кто-то схватился за поручни.

Настя расправила на коленях сумку, ни на кого не глядя, достала пальцы, натянула на них канву, вспоминая уроки труда в третьем классе, и стала прошивать ткань иглой с вдетой в нее алой ниткой, потому что еще дома решила начать работу с грудки снегиря.

Нитка поначалу была длинной, Насте приходилось высоко поднимать руку. Локтями работать в такой тесноте она почти не могла, локти ее были крепко прижаты к туловищу, будто она мерит себе температуру – двумя градусниками сразу. Стараясь не думать, как уморительно это выглядит со стороны, и прикрывая острие поднятой вверх иголки указательным пальцем, чтобы ненароком не уколоть кого-нибудь, Настя вышивала крестик за крестиком, крестик за крестиком. Вся в работе. Глаза опущены, уши горят.

К своему удивлению, насмешек или ругани она не услышала. Полноватая женщина – соседка справа –

подвинулась, то ли опасаясь иголки, то ли чтобы девчонке было удобнее. Кто-то сказал нарочито дребезжащим голосом, смешно растягивая слова:

— Ты нитку-то укорачива-ай! Солдата с дороги не сворачива-ай!

Чуть наклонившись вперед, Настя увидела белые кроссовки и голубые джинсы говорившего. Подняв глаза, она обнаружила, что принадлежат они сухонькому старичку, одевшемуся «от внука». Настя предложила старичку сесть, но тот легко и весело отказался: «Работайте, девушка, работайте!» Какая-то тетка начала было возмущаться: «Нашла тоже место...» — но ее не поддержали.

Незаметно Настя увлеклась. На вышивке появились и черный клюв, и серая спинка птицы... Еще немного — и придет очередь вышивать белый снег на ветках дерева.

Кто-то тронул ее за плечо...

— Конечная, девушка! Поезд дальше не пойдет...

С пальцами в руке Настя выскочила из вагона.

Как на крыльях

Домой она прилетела как на крыльях. Выделяться, производить впечатление... Не в ее это характере. А ведь смогла же! Мир доброжелателен к тем, кто имеет смелость быть не как все, мир отзывается, стоит только

погромче крикнуть. Почему эта простая мысль прежде не приходила ей в голову? Сколько времени потеряно зря!

Как Настя сейчас жалела, что когда-то не занялась всерьез гимнастикой. А ведь данные у нее были налицо, как сказал тренер, что отбирал девчонок в спортивную секцию. Почему же она не стала гимнасткой?.. Побоялась выйти на середину огромного зала? И надо же было случиться, что на первое занятие ее привел отец, а не мама... Уж мама, та бы ее уговорила. А отец что? Попытался втолкнуть упирающуюся дочку в зал, а потом по-мужски сказал, как отрезал: «Не хочешь — не надо».

Насте хотелось немедленно поделиться новостью с Ритой, но, подумав, звонить ей она не стала. В обычной школе, учась в параллельных классах, девочки практически не общались. В обычной школе над Ритой посмеивались, в музыкалке Риту любили. Голосом и внешностью природа ее не обидела, на хоре она солировала. Правда, пятерку на экзамене по специальности ей ставили редко, хваля за музыкальность и ругая за ритмическую неустойчивость. Если же говорить о Насте, ее фортепьянные успехи в музыкальной школе были куда скромнее. Да и пела она как бы не своим, а нарочитым каким-то голосом. И если о Рите знали, что ее мама стилист, то о том, что Настя — дочь Александра Григорьевича, который работает в их школе настройщиком, как-то и забывали.

Алла Михайловна Лошакова, что вела занятия и у старшего хора, вопреки обыкновению, опаздывала.

— Гляди, — Настя открыла сумку, достала вышитого снегиря. Несколько вечеров подряд она заканчивала работу под песни французских шансонье.

— Это ты сама, да? — поразилась Рита. — А разве ты вышиваешь? Ну, дела!.. Класс!

Настя глядела на подругу.

— Рита, помнишь, ты рассказывала мне о девушке...

— О той, что постриглась наголо?

— Нет.

Рита задумалась.

— А ты не догадываешься, где я это вышила? — задала наводящий вопрос Настя.

— ...Ой, не могу! — Рита вскрикнула так, что на них обернулись все, кто был в зале, и, зажав руками рот, затряслась в беззвучном смехе.

Настя, как ребенка, взяла подружку за руку и отвела к окну.

— Рассказывай, — потребовала, отсмеявшись, Рита.

Более благодарного слушателя Настя и представить себе не могла. Они с Ритой точно поменялись ролями. Настя говорила, Рита ловила каждое ее слово. Настя так увлеклась, что ей было решительно все равно, прислушивается ли кто к их разговору. Тот же шут Бабушкин, уставившийся в их сторону... Какое ей до него дело!